

— *рш* $\frac{20-84}{103}$

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XIII.

Подъ редакціей *кн. С. Н. Трубецкою и Л. М. Лопатина.*

Книга V (65).

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1902 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и №.
Пименовская ул., соб. домъ.

1902.

122

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Душевная драма Герцена. (Окончаніе.) С. Булгакова . . .	1363
Неогеометрія и ея значеніе для теоріи познанія. (Окончаніе.) Г. Челпанова	1379
О научномъ міровоззрѣніи. В. Вернадскаго.	1409

Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюктаризма. Н. Лосскаго	905
Новыя данныя къ характеристикѣ культурно-историческихъ, соціологическихъ и философскихъ взглядовъ Лассалья. С. Франка	951

Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

„Обличеніе“ ламаизма. Иеромонахъ Меодій . Буддійское міровоззрѣніе или ламаизмъ и обличеніе его. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ. (И. Л. Тузовъ.) 1902 г., стр. 146, in 8°. Цѣна 50 коп. С. Ольденбурга	1016
Д. Н. Овсяннико-Куликовскій . Вопросы психологіи творчества. С.-Петербургъ. 1902 г. В. Саводника . . .	1024
Ossip Lourié , docteur de la Faculté des lettres de l'Université de Paris, membre de la Société de philosophie de l'Université de Saint-Pétersbourg. La philosophie russe contemporaine (Bibliothèque de philosophie contempo-	

Стр.

raine), Paris. 1902 г. Félix Alcan. 278 pp. 5 fr. **В. Ив-
новскаго** 1032

II. Библиографическій листокъ.

III. Обзоръ журналовъ.

The Monist. Vol. XII. № 1 (October 1901). **Archiv für syste-
matische Philosophie.** 1902. VIII. B. Heft 1. **А. Б.** . . . 1045

Полемика.

Къ вопросу о новѣйшихъ философскихъ теченіяхъ. (От-
вѣтъ г. Бердяеву.) **А. Богданова** 1049

Матеріалы для журнальной статистики.

Объявленія.

ПОЛЕМИКА.

Къ вопросу о новѣйшихъ философскихъ теченіяхъ.

(Отвѣтъ Н. Бердяеву.)

Полемическая замѣтка г. Бердяева о моей книгѣ «Познаніе съ исторической точки зрѣнія», помѣщенная въ октябрьской книжкѣ «Вопросовъ философіи и психологіи» за 1902 г., произвела на меня крайне двойственное впечатлѣніе. Съ одной стороны мнѣ было пріятно встрѣтить такое страстное, хотя бы и рѣзко отрицательное отношеніе къ защищаемымъ мною идеямъ, какое ярко выступаетъ въ этой замѣткѣ; съ другой стороны — у меня возникли нѣкоторыя опасенія, которыя и заставляютъ меня взяться за перо. Всѣмъ извѣстно, какъ часто не имѣющей досуга читатель принужденъ по журнальнымъ рецензіямъ, по критическимъ или полемическимъ замѣткамъ составлять себѣ понятіе о томъ или иномъ литературномъ произведеніи, даже о цѣломъ теченіи, почему-либо недостаточно представленномъ въ національной литературѣ. Съ этой точки зрѣнія замѣтка г. Бердяева показалась мнѣ способной поселить въ читателѣ крупныя недоразумѣнія не только по отношенію къ моей книгѣ, но, что гораздо важнѣе, по отношенію къ цѣлымъ научно-философскимъ теченіямъ, при томъ наиболѣе, по моему мнѣнію, жизненнымъ, наиболѣе заслуживающимъ широкаго распространенія и добросовѣстной оцѣнки. Я имѣю въ виду главнымъ образомъ эмпириокритицизмъ и энергетику, но, какъ увидитъ читатель, не только эти теченія.

Начну съ эмпириокритицизма. Какъ изображаетъ его г. Бердяевъ?

Вопросы Философіи, кн. 65.

10

«Мы должны вѣрить г. Богданову, что онъ читалъ Авенариуса, но онъ не понялъ того, что Авенариусъ въ «Критикѣ чистаго опыта» пытается дать общую теорію познанія; онъ вообразилъ себѣ, что Авенариусъ строитъ біологическую теорію, что «систему С» нужно буквально понимать, какъ центральный нервный аппаратъ, что «питаніе» и «работа» — чисто біологическія понятія, и направляетъ—не противъ Авенариуса, а въ безвоздушное пространство нѣкоторыя элементарныя біологическія соображенія. Авенариусъ былъ все-таки философъ, а не естествоиспытатель; его занимала гносеологическая проблема отношенія мышленія къ бытію, и въ свою оригинальную терминологию онъ вкладывалъ не матеріально-біологическій, а формально-логическій смыслъ» (стр. 841).

Итакъ, дѣло ясное: ординарный гносеологъ Рихардъ Авенариусъ, выполняя естественное назначеніе ординарнаго нѣмецкаго философа, написалъ ординарную гносеологию; невѣжественный диллетантъ Богдановъ не понялъ ея и принялъ за біологическую теорію опыта и познанія (а можетъ быть даже просто не читалъ); компетентный специалистъ г. Бердяевъ принужденъ возстановить истину, и дать урокъ невѣжественному диллетанту... А что если... все это не такъ? Что если возможно *текстуально* показать, что самъ г. Бердяевъ не достаточно знакомъ съ главными работами Авенариуса?

Обратимся къ свидѣтельству самого Авенариуса:

«Kritik der reinen Erfahrung», I B., S. 35—36. «Dieses nervöse Theilsystem, welches die von der Peripherie ausgehenden Aenderungen in sich sammelt und die an die Peripherie abzugebenden Änderungen vertheilt, schien mir, von dem umfassenden System von Centralorganen noch begrifflich zu unterscheiden für unsern Zweck dienlich; während ich seine nähere anatomische und physiologische Bestimmung—als nicht so gesichert wie seine Annahme überhaupt—dahingestellt sein lasse und, weil unsern Zielen abgelegen, ohne Schaden dahingestellt sein lassen kann. Das angenommene Theilsystem selbst bezeichne ich einfach, als das *System C*.

Es ergibt mithin die Zerlegung des Nervensystems für unsern Zweck:

A) das System C.

B) das übrige Nervensystem».

Перевожу по возможности дословно:

«Для нашей цѣли мнѣ казалось полезнымъ познавательнo от-

граничить эту частичную систему нервного аппарата, въ которой объединяются измѣненія, исходящія изъ периферіи, и распределяются измѣненія, передающіяся периферіи отъ всей системы центральныхъ органовъ. Ближайшаго анатомическаго и фізіологическаго опредѣленія этой частичной системы я не даю, такъ какъ подобное опредѣленіе было бы не настолько достовѣрнымъ, какъ вообще ея признаніе, и такъ какъ, съ точки зрѣнія нашихъ цѣлей, безъ этого опредѣленія легко можно обойтись. Самую эту систему я обозначаю для простоты какъ *систему С*.

Слѣдовательно, для нашей цѣли нервная система разграничивается такъ:

А) Система С.

В) Остальная нервная система».

Это «формально-логическія» категоріи, и если Авенаріусъ считаетъ нужнымъ опредѣлить ихъ «анатомически и фізіологически», то виной тому только его «оригинальная терминологія» Эта «оригинальность» доходитъ у Авенаріуса до того, что «формально-логическую» категорію, систему С, на стр. 37 онъ изображаетъ, какъ состоящую изъ «множества форменныхъ элементовъ—*клетокъ*» («Vielheit von Formelementen—*Zellen*»).

«Питаніе» и «работа» системы С имѣетъ тоже «формально-логическій смыслъ», а отнюдь не біологическій, или энергетическій. Именно это хочетъ сказать Авенаріусъ, когда въ другой своей работѣ «*Der menschliche Weltbegriff*», онъ указываетъ, что «зависимость между R (средою) и системой С», зависимость, которая выражается именно въ этихъ процессахъ, есть «частный случай закона сохраненія энергіи» («... Die Abhängigkeit zwischen R und dem System C... ist zugleich... ein Specialfalle des Gesetzes der Erhaltung der Energie...», S. 18, passim).

Такъ обстоитъ дѣло съ Авенаріусомъ. Отнюдь не изъ однихъ полемическихъ соображеній считаю я особенно важнымъ установить тотъ фактъ, что г. Бердяевъ *не достаточно знакомъ* съ Авенаріусомъ, относительно котораго поучаетъ. Но я просто опасаюсь, что кто-нибудь изъ неопытныхъ читателей повѣритъ Г. Бердяеву, что Авенаріусъ написалъ только самую обычную гносеологию и изъ-за этого не станетъ читать его. А это было бы очень грустно. Эмпириокритицизмъ—великое, жизненное философское теченіе, и его слѣдуетъ изучать, даже несмотря на «терминологию» Авенаріуса.

Перехожу къ замѣчаніямъ г. Бердяева въ области энергетики.

«Кстати замѣтимъ, что научный энергетизмъ стремится изгнать матеріализмъ даже изъ ученія о физическомъ мірѣ; онъ ближе къ спиритуалистической монадологіи, и можетъ быть только на-руку идеалистическому міропониманію, столь непріятному г. Богданову» (стр. 847). Что энергетическая точка зрѣнія враждебна матеріалистической метафизикѣ, это, вслѣдъ за Оствальдомъ, я признавалъ и излагалъ уже 5 лѣтъ тому назадъ ¹⁾. Но что она близка къ спиритуалистической метафизикѣ и «наруку» ей, это, безусловно, открытіе г. Бердяева. Обратимся къ официальному вождю «энергетиковъ», упомянутому Вильгельму Оствальду.

«Вслѣдствіе этого (жизненной эквивалентности сознанія и рефлексовъ АБ.), я предлагаю вамъ разсматривать сознаніе, какъ свойство особаго рода нервной энергіи, именно такой, которая дѣйствуетъ въ центральномъ нервномъ аппаратѣ» («Натуръ-философія», русск. перев. подъ ред. Филиппова, стр. 289 ²⁾).

Это—спиритуализмъ?

На стр. 293 Оствальдъ говоритъ:

«... я отказался совершенно отъ пользованія всякими гипотезами... Гипотезами были выше названы такія допущенія, которыя выходятъ за предѣлы доказуемаго фактическаго содержанія описываемаго явленія... (за предѣлы того), чего правильность можетъ быть провѣрена опытнымъ путемъ» (примѣч., *passim*).

Это—«наруку» метафизикѣ?

Гдѣ же нашелъ г. Бердяевъ данныя для своего утвержденія?

«Г. Богдановъ какъ бы стыдится назвать себя матеріалистомъ, но въ сущности проникнуть духомъ этой отжившей метафизической концепціи» (стр. 847). Такъ понялъ г. Бердяевъ идею всеобщаго энергетическаго метода, и это послѣ того, какъ я

¹⁾ «Основные элементы историч. взгляда на природу», стр. 37—41.

²⁾ Книгу эту, которая на нѣмецкомъ языкѣ вышла въ концѣ 1901 г., а на русскій переведена въ 1902, я очень рекомендую вниманію читателя. Во многихъ частностяхъ я не согласенъ съ ея авторомъ, но ея основныя тенденціи какъ нельзя болѣе жизненны и симпатичны. Это—безусловное отрицаніе всякой метафизики, стремленіе къ монизму метода, и неуклонное мужество мысли, не желающей и не признающей никакихъ «конечныхъ логическихъ станцій», которыми такъ дорожатъ г.г. метафизики (стр. 843 въ ст. г. Бердяева). Необходимостью этихъ «конечныхъ станцій» г. Бердяевъ опровергаетъ мою критику абсолютнаго апіоризма. Что тутъ дѣлать? Констатировать статическую форму мышленія.

тщательно и при томъ два раза выяснялъ, что самое понятіе энергіи есть чистая методологическая абстракція, и выражаетъ идею «измѣримости и соизмѣримости всѣхъ явленій» въ ихъ превращеніяхъ, «отвлеченіе отъ различныхъ способовъ воспріятія» и т. д. (стр. 11). Написано вполне ясно: энергетическій методъ изслѣдованія; а г. Бердяевъ читаетъ: матеріалистическая метафизика.

Такое непониманіе еще было бы простительно, если бы методическая точка зрѣнія на энергію представляла изъ себя что-нибудь новое. Но вѣдь этого нѣтъ. Даже если взять русскую литературу,—въ томъ самомъ журналѣ, въ которомъ г. Бердяевъ помѣщаетъ свою «критику», года полтора тому назадъ была превосходная статья г. Шукарева, въ которой вполне ясно излагается методологическое пониманіе энергіи (авторъ статьи называетъ его «номиналистическимъ»). А о томъ, что еще Махъ много лѣтъ тому назадъ въ своихъ работахъ по механикѣ и физикѣ тщательно устранялъ всякій метафизическій элементъ изъ этого понятія и путемъ критики довелъ до чистоты математической формулы — и говорить нечего. Но г. Бердяеву, который такъ презрительно говоритъ объ «естественно-научныхъ увлеченіяхъ», все это неизвѣстно.

Такъ обстоитъ дѣло съ энергетикой. И опять-таки, устанавливая незнакомство съ нею г. Бердяева, мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, не чисто-полемическія цѣли, а возможность того, что неопытный читатель, повѣривъ ему, составитъ себѣ ложное представленіе объ энергетикѣ вообще, и будетъ бесполезно путаться въ несуществующихъ противорѣчійхъ.

Составивши свою «спиритуалистическую» энергетику, г. Бердяевъ съ большимъ негодованіемъ относится къ попыткамъ на основѣ дѣйствительной энергетики установить научный монизмъ, единство научныхъ методовъ. Вотъ какъ говоритъ онъ объ этомъ вопросѣ:

«Вопреки «энергетическимъ» мечтамъ г. Богданова существуютъ только отдѣльныя науки, имѣющія свой объектъ и методы и отыскивающія законы данной группы явленій; въ наукѣ господствуетъ не монизмъ, а плюрализмъ. Строгая научность достигается лишь путемъ установленія границъ всякаго позитивнаго пониманія. Построеніе міропониманія на почвѣ чисто «научнаго» синтеза, созданіе единой науки о мірѣ, есть невозможная и вредная утопія,

поощряющая попытки, которыя не имѣютъ ни научнаго, ни философскаго значенія» (стр. 848).

Трудно согласиться съ тѣмъ консервативнымъ направленіемъ, которое выражается въ этой тирадѣ. Наука въ данный моментъ не обладаетъ монизмомъ, она плюралистична; поэтому не слѣдуетъ стремиться къ внесенію монизма въ ея систему, это «вредная» утопія. Самое важное установить «границы» для всякаго позитивнаго пониманія, а чтобы мысль познающаго не посмѣла перейти эти границы, надо предписать «строгой научности» охранять ихъ какъ можно суровѣе.— Но врядъ ли «строгая научность» окажетъ г. Бердяеву такую любезную услугу.

Если бы почтенный оппонентъ былъ знакомъ съ исторіей науки (а такое знакомство есть условіе «строгой научности»), то ему было бы извѣстно, между прочимъ, слѣдующее. Двѣсти-триста лѣтъ тому назадъ «границы» между науками были несравненно рѣзче, ихъ методы были такъ различны, объединяющихъ звеньевъ такъ мало, что самъ г. Бердяевъ не могъ бы пожелать ничего лучшаго. Механика была сама по себѣ, термодинамика сама по себѣ, физика тоже, химія тоже, біологія тоже, и т. д. И вотъ, шагъ за шагомъ создаются широкія и сильныя обобщенія, выходящія за предѣлы частныхъ наукъ и объединяющія ихъ въ болѣе обширныя группы. Математическій методъ начинаетъ широко примѣняться во всѣхъ областяхъ физики, и самыя эти области, являвшіяся прежде отдѣльными науками, все болѣе сближаются между собою; химія начинаетъ пользоваться методами физики, въ физиологію проникають физико-химическіе методы и т. д. Наконецъ, лѣтъ 70 тому назадъ офицеръ Карно, врачъ Майеръ, заводчикъ Джауль и другіе выполняютъ «вредное» и «утопическое» дѣло, а именно создаютъ законъ, объединяющій всѣ науки о физическомъ мірѣ, законъ, простирающій свое господство и на физику, и на химію, и на физиологію, а многіе полагають, что и гораздо дальше. И понадобилось тѣмъ лѣтъ 70 для того, чтобы нашелся смѣлый человѣкъ, который остановилъ эту монистическую тенденцію науки и геройски заявилъ, что все это — вздоръ, что наука плюралистична, что объединеніе наукъ—«вредная утопія, поощряющая попытки» и т. д.

Въ монистическомъ законѣ сохраненія энергіи «погашаются всѣ различія», кромѣ количественныхъ, потому что законъ этотъ означаетъ *отвлеченіе отъ качественныхъ различій*. А г. Бердяевъ

обвиняеть въ этомъ «погашеніи»... меня. «Для него нѣтъ въ мірѣ качествъ, — восклицаетъ г. Бердяевъ, — живыя, яркія краски не привлекають его взоровъ; онъ, повидимому, считаетъ себя обладателемъ міровой формулы гипотетическаго «ума» Лапласа» (стр. 845). Но я напому г. Бердяеву, что абстрактный міръ отношеній отказывается отъ красокъ, онъ отдаеть ихъ всецѣло своему близнецу—эстетическому міру; онъ холоденъ и суровъ въ своихъ отвлеченіяхъ; онъ все анализируетъ и все объединяеть, но не раскрашиваетъ своихъ картинъ, потому что знаетъ свои права и не посягаетъ на право искусства. Пусть г. Бердяевъ спросить у Канта, котораго онъ правильно или неправильно считаетъ своимъ учителемъ,—что получится, если отъ высшихъ абстракцій познанія требовать яркихъ красокъ, а также «публицистики», въ отсутствіи которой онъ меня упрекаетъ. Кантъ объяснитъ ему, что это будетъ противоестественный гибридъ, чуждый и строгости познанія, и гармоніи искусства.

Въ гносеологіи г. Бердяевъ сторонникъ абсолютнаго априоризма, исключаящаго генетическую или историческую точку зрѣнія, но отношеніе той и другой ему неясно, и поэтому онъ опровергаетъ послѣднюю чрезвычайно упрощеннымъ способомъ:

«Гносеологическая точка зрѣнія дѣйствительно противоположна генетической, но именно потому не исключаетъ ея; эти точки зрѣнія вращаются въ различныхъ плоскостяхъ, и въ предѣлахъ науки и эмпирической дѣйствительности, съ которой наука имѣетъ дѣло, не встрѣчаются... Гносеологія изслѣдуетъ вопросъ о составѣ и цѣнности познанія, объ общеобязательности его основъ; гносеологическіе споры ведутся по вопросу объ отношеніи мышленія къ бытію... историческое направленіе въ теоріи познанія не то, что невѣрно, а просто невозможно, такъ какъ не даетъ отвѣта на гносеологическій вопросъ о *цѣнности* познанія и его отношеніи къ бытію» (стр. 840, *passim*).

Однако, откуда взялъ г. Бердяевъ, что генетической точкѣ зрѣнія чуждъ «вопросъ о составѣ и цѣнности познанія»? Генетической точкѣ зрѣнія свойственно полагать, что формы познанія суть формы жизни, формы приспособленія, и потому какъ ихъ «составъ», такъ и ихъ «цѣнность», т.-е. ихъ строеніе и ихъ реальное жизненное значеніе можно съ достовѣрностью установить только тогда, когда выясненъ ихъ генезисъ и пути ихъ развитія; иные же способы рѣшенія вопроса недостаточны и нена-

дежны, потому что исходятъ изъ неполныхъ данныхъ. То же относится и къ вопросу о связи «мышленія» и «бытія»; его критическое рѣшеніе возможно только въ томъ случаѣ, если мы изслѣдуемъ генезисъ мышленія. Генетическая точка зрѣнія вовсе не отказывается отъ рѣшенія «гносеологическихъ вопросовъ», — она только хочетъ дать болѣе широкій и прочный базисъ для этого рѣшенія; она *включаетъ* гносеологическую точку зрѣнія.

Обрушиваясь со своими поученіями исключительно на меня, г. Бердяевъ не замѣчаетъ, что ему слѣдовало бы начать не съ меня, какъ наименѣе виновнаго, а съ критическаго Зиммеля и эмпириокритицистовъ Маха и Авенариуса, послѣдователемъ которыхъ я въ данномъ случаѣ выступаю. Вообще онъ, видимо, преувеличиваетъ мою «оригинальность», которую, впрочемъ, рѣшительно отрицаетъ...

Г. Бердяевъ правильно указываетъ на родство моей точки зрѣнія съ эволюціонизмомъ Спенсера, хотя напрасно говоритъ это съ такимъ видомъ, какъ будто открываетъ нѣчто новое; въ такомъ родствѣ нѣтъ, на мой взглядъ, ничего предосудительнаго. Но онъ совершенно неправильно «погашаетъ различія» между точкой зрѣнія Спенсера и той, которую я излагаю.

Впрочемъ, суть дѣла въ томъ, что между первой и послѣдней точкой зрѣнія стоитъ эмпириокритицизмъ и энергетика, съ которыми г. Бердяевъ, какъ мы видѣли, не достаточно знакомъ.

Но даже этимъ не достаточно знакомствомъ нельзя оправдать одного чрезвычайно неожиданнаго для меня открытія, которое сдѣлалъ г. Бердяевъ, изслѣдуя мою работу. Вотъ что говоритъ онъ на стр. 850.

«Въ своемъ взглядѣ на идеологию, на всю духовную культуру, на познаніе, нравственность и т. д., онъ такой же *иллюзионистъ*, какъ и всѣ ортодоксальные марксисты, и даже еще большій, такъ какъ доводитъ этотъ взглядъ до крайности». — Что, если читатель повѣритъ г. Бердяеву, и подумаетъ, что въ самомъ дѣлѣ я, а также какіе-то «всѣ ортодоксальные марксисты», стараемся выдать «всю духовную культуру, познанія, нравственность и т. д.» — за сплошную иллюзію? Читатель спроситъ: да какъ же этихъ господъ еще не посадили въ психіатрическую лѣчебницу?

Суть же дѣла заключается въ томъ, что г. Бердяева надо понимать наоборотъ. Въ своей работѣ я старался показать — и таково же мнѣніе многихъ «марксистовъ» — что идеологическія

формы представляют изъ себя социальныя приспособленія, *имѣющія объективное жизненное значеніе*. Слѣдовательно, я говорилъ: реальное приспособленіе съ реальнымъ значеніемъ, а г. Бердяевъ переводить: иллюзія. Если иллюзіей называть, согласно психологіи, неправильное воспріятіе внѣшнихъ предметовъ, то, очевидно, что именно г. Бердяевъ и есть настоящій иллюзіонистъ, если не по отношенію ко всей духовной культурѣ, то, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ рецензируемой имъ книгѣ¹⁾.

Негодую на «простоту» и «ясность» моихъ представленій о многихъ «сложныхъ вопросахъ», самъ г. Бердяевъ «просто», хотя и не вполне «ясно» относится къ вопросу объ относительности истины. Онъ опровергаетъ эту относительность тѣмъ, что даже я, ея защитникъ, вѣрю въ «абсолютность» своей истины. Однако, откуда взялъ это г. Бердяевъ? Свою точку зрѣнія (поскольку она имѣетъ положительное содержаніе, а не есть простое отрицаніе абсолютнаго въ познаніи) я считаю только наиболѣе подходящей для нашего времени схемой, при помощи которой можетъ быть организованъ, гармонизированъ имѣющийся у насъ опытъ.

Какъ нельзя болѣе характеренъ для г. Бердяева такой полемическій пріемъ. Когда я указываю, что отрицаніе энергетичности сознанія равносильно признанію того, что психическіе процессы могутъ изъ ничего возникать и въ ничто обращаться, т.-е. въ сущности признанію чуда въ этой сферѣ опыта, то г. Бердяевъ эмфатически восклицаетъ: «Что сказалъ бы объ этомъ самый крупный представитель психологической науки Вундтъ? Современная психологія проникнута принципомъ *психической причинности*, который главнымъ образомъ былъ развитъ Вундтомъ, ученымъ и мыслителемъ, всего менѣе склоннымъ смотрѣть на психическіе вопросы, какъ на чудо» (стр. 846). Но я и поставилъ своей задачей именно выясненіе того, что признаніе не-энергетической причинности для сознанія есть, собственно, отрицаніе причинности сознанія, и что противоположный взглядъ, хотя въ наше время и наиболѣе распространенный среди психо-

¹⁾ Хорошо было бы, если бы г. Бердяевъ указалъ, гдѣ именно онъ у меня вычиталъ, что я *всю* идеологію считаю «социальнымъ фетишизмомъ»? Вѣдь это *неправда*. Нѣкоторыя идеологическія формы, несомнѣнно, фетишистичны—это я утверждаю, и, можетъ быть, даже г. Бердяевъ не рѣшится отрицать. Но «вся идеологія»...

логовъ и философовъ (это я тоже спеціально отмѣтилъ), является недоразумѣніемъ. Въ чемъ же заключается аргументъ г. Бердяева противъ этого? Въ томъ, что Вундтъ, крупный психологъ, думаетъ иначе. Но развѣ это аргументъ?

Во всякое время противъ всякой прогрессивной тенденціи можно найти и выдвинуть тотъ или иной крупный авторитетъ. Но это ничего не доказываетъ и ничего не опровергаетъ. Если бы г. Бердяевъ жилъ 70 лѣтъ тому назадъ, въ эпоху споровъ о происхожденіи видовъ, когда величайшій изъ тогдашнихъ біологовъ — Кювье — энергично выступалъ противъ зародышей эволюціонизма, въ защиту теоріи мгновенныхъ твореній, какъ поступилъ бы тогда г. Бердяевъ? Слѣдуя теперешнему методу, онъ, конечно, по поводу каждой эволюціонистской работы восклицалъ бы: «Что сказалъ бы объ этомъ величайшій изъ современныхъ біологовъ Кювье!» И что же? Исторія показала, что Кювье былъ неправъ, а былъ правъ гораздо менѣе крупный спеціалистъ—Сентъ-Илеръ, и не только онъ, но также совѣмъ не спеціалистъ Бальзакъ, энергично высказавшійся въ его пользу. Г. Бердяевъ заставилъ бы ихъ замолчать своими авторитетами! Но что изъ этого слѣдуетъ? Только одно: что мышленіе г. Бердяева принадлежитъ авторитарной эпохѣ, и въ нашъ вѣкъ, въ эпоху критики, является любопытнымъ остаткомъ временъ минувшихъ.

«Научнымъ или философскимъ трудомъ, да еще новаторскимъ, книга г. Богданова всего менѣе можетъ быть названа»... такъ оцѣниваетъ г. Бердяевъ мою работу. «Оцѣнка»—не аргументъ, и спорить противъ нея нельзя; но все же я замѣчу, что для того, чтобы судить о научномъ или философскомъ значеніи работы, имѣющей исходную точку въ новѣйшихъ теченіяхъ науки и философіи, надо знать эти теченія, а не находиться въ такомъ отношеніи къ нимъ, въ какомъ находится къ энергетикѣ и эмпириокритицизму г. Бердяевъ. На роль «новатора» я, признаться, никогда не имѣлъ притязаній и охотно уступаю ее г. Бердяеву, особенно въ томъ, что касается обращенія съ литературными источниками и методовъ полемики. Но все же я считаю себя рядовымъ представителемъ великаго и сильнаго теченія жизни и мысли, которое смететъ миллионы фетишей, любезныхъ сердцу г. Бердяева, и дастъ людямъ дѣйствительную свободу развитія, а не призрачную свободу метафизическаго паренія. И потому я

спрашиваю г. Бердяева—по какому праву позволяет онъ себѣ рѣшать вопросъ, «нужна» или «не нужна» моя книга для марксизма? Развѣ марксисты сами не могутъ рѣшить этого, и приглашали для этой цѣли метафизическаго варяга? На совѣтъ же—заняться естественно-научной популяризацией, какъ болѣе подходящимъ мнѣ дѣломъ, отвѣчу: до тѣхъ поръ не могу сдѣлать этого, пока лица, считающія себя призванными судить и учить въ сферѣ философіи, какъ г. Бердяевъ, будутъ обнаруживать недостаточное пониманіе того, о чемъ судять и учать.

А. Богдановъ.